

Сергей Шевцов (Одесса)

ТЕОРИЯ ЕСТЕСТВЕННОГО СОСТОЯНИЯ: РОЛЗ, НОЗИК, БЬЮКЕНЕН

Обращение к модели естественного состояния иногда считают неизменным признаком теории общественного договора. В XX веке ряд авторов снова использует эту модель, внося модификации, соответствующие духу времени. Чаще всего она служит для объяснения формирования правовых отношений. Здесь я остановлюсь на трех работах: Джон Ролз в «Теории справедливости» обращается к «исходному положению» в своих исследованиях морали; ему следует его коллега по кафедре и оппонент Роберт Нозик в «Анархии, государстве и утопии» (1974); Джеймс М. Бьюкенен использует ее в работах «Расчет согласия» (1962) и «Границы свободы. Между анархией и Левиафаном» (1975) для описания и объяснения правовой составляющей экономической деятельности. Каждый из названных авторов использует эту модель по-своему, но свою главную отличительную черту (для нашего исследования) она сохраняет. Основной единицей остается, как и у предшественников, тот же обособленный разумный индивид.

Теория Джона Ролза обладает специфической чертой – она динамична, словно постоянно модифицирует сама себя. Это достаточно редкий случай, когда начиная с ранних статей пятидесятых годов и до вышедшей незадолго до смерти автора «Justice As Fairness: A Restatement» (2001) мы имеем дело, безусловно, с одной теорией, но обретающей новые черты. В силу того, что смысловое ядро концепции Джона Ролза изложено в «Теории справедливости» (1971), мы сосредоточимся именно на ней¹.

Исходная задача Ролза – не просто изложить некую оригинальную теорию морали, но предложить универсальную концепцию², которая могла бы

© С. Шевцов, 2012

¹ Общий анализ фундаментальной и обстоятельной «Теории справедливости» лежит вне нашей темы, поэтому в данной работе будут рассмотрены только некоторые аспекты.

² Томас Нагель характеризует ее следующим образом: «In brief, what Rawls has done is to combine the very strong principles of social and economic equality associated with European socialism with the equally strong principles of pluralistic toleration and personal freedom associated with American liberalism, and he has done so in a theory that traces them to a common foundation» [Nagel, 2003: p. 63].

лечь в основу деятельности внутренних институтов любого общества, а также взаимоотношений институтов и обществ друг с другом. Суть этой концепции Ролз выражает в названии своей ранней статьи «Справедливость как честность» («Justice as Fairness») [Rawls, 1958].

Общий смысл этой концепции Ролза может быть грубо представлен следующим образом: вообразим себе (*original position* – исходное состояние) несколько человек, собирающихся чем-либо заняться, например, сыграть в какую-либо игру. При этом потенциальные игроки, у каждого из которых есть свои цели (*life-plans*), не знают, в какую игру они будут играть и каковы их способности (ресурсы) для данной игры³. Тем не менее уже на данном этапе они могут и должны договориться о неких принципах своего взаимодействия во время игры. В определенной мере это возможно и в середине игры, при условии, что все участники признают и согласятся следовать этим принципам. Важно только, чтобы принципы выдвигались до того, как игроки начинали осуществлять регулируемую этими принципами деятельность. Например, никто не может высказывать претензии до того, как будут обговорены и приняты всеми правила предъявления претензий. Любой из участников может выдвигать любые правила, но при этом он должен осознавать, что предложенные им установления будут ограничивать (или открывать возможности) не только других, но и его. Отсюда первый принцип, необходимый для осуществления подобной процедуры: все игроки должны обладать равной степенью свободы (равенство игроков). Второй исходный принцип обычно называют принципом дифференциации и он звучит так: допустимое в игре неравенство должно максимизировать ожидания наименее успешного участника (то есть неравенство допускается только при условии, что оно хотя бы в какой-то степени улучшит положение наихудшего – по способностям, по везению и т.п. – игрока). У второго принципа есть еще один подпункт, по сути, представляющий соединение первого и второго принципа: положение наилучшего игрока должно быть доступно для всех⁴. Принятие данных принципов и следование им, по мнению Ролза, и есть честность, а значит, и справедливость. Конечно, под игрой следует понимать «торговую игру» (*bargaining game*) и различные общественные практики, но для искусственной объясняющей модели можно в равной степени предположить прятки, карты или шахматы.

Из этого учения Ролза вытекает его учение о праве. Еще точнее будет сказать, что принятие и осуществление принципов справедливости (чест-

³ Это ограничение знания Ролз называет «завесой неведения» (*veil of ignorance*).

⁴ Обстоятельный анализ принципа дифференциации см.: [Parijs, 2003]. Хотя сущность принципов остается по большому счету неизменной, Ролз варьирует их формулировку. Не всегда можно сказать, стремится ли он тем самым уточнить ее, или сделать более адекватной для рассматриваемой им проблемной области. Например, в «Политическом либерализме» (1993), посвященном проблеме стабильности общества, основанного на предложенных Ролзом двух принципах, он формулирует их несколько иначе, и меняет последовательность подпунктов второго принципа [Rawls, 1993: p. 5–6]. Ср. с формулировкой принципов в «Теории справедливости» [Rawls, 1971: p. 60].

ности) неизбежно уже воплощает в себе принцип верховенства права. Ролз, вслед за Руссо и Кантом, придерживается той позиции, что свобода – это подчинение добровольно установленному закону. Свобода для него – комплекс прав и обязанностей, определяемых институтами [Rawls, 1971: p. 239]. Свобода тем самым оказывается неразрывно связанной с правлением закона. Честность и справедливость – это следование правилам, а правовая система – «обязывающая иерархия общественных правил» [Rawls, 1971: p. 235]. Право (law), таким образом, определяет базисную структуру, в рамках которой происходит преследование индивидами своих целей [Rawls, 1971: p. 236]. Законы, согласно Ролзу, это директивы, адресованные рациональным индивидам для направления их деятельности [Rawls, 1971: p. 238]. Иначе говоря, индивиды в исходном состоянии утверждают принципы своей деятельности, создавая тем самым возможность честного сотрудничества и тем самым – общество⁵, и далее создаются институты контроля (такие, например, как суды) соответствия деятельности индивидов в рамках оговоренных в начале принципов. Эта теория права Ролза может быть охарактеризована как соединение преобразованного (Ролз говорит об интерпретации [Rawls, 1971: § 40]) кантовского учения с учением о праве Герберта Харта.

Для понимания учения Ролза о праве следует уделить особое внимание «исходному положению» (original position). Ролз пишет, что его «можно рассматривать как процедурную интерпретацию кантовской концепции автономии и категорического императива в рамках эмпирической теории» [Rawls, 1971: p. 258]. Если в статье 1958 года «исходное положение» еще обладало некоторым характером фактичности⁶, то в «Теории справедливости» Ролз представляет его исключительно как логическую модель⁷. При этом он прямо пишет, что «в справедливости как честности исходное положение равенства соответствует естественному состоянию в традиционной теории общественного договора» [Rawls, 1971: p. 12].

Именно равенством индивидов в исходном положении определен характер естественных прав. «...Justice as fairness has the characteristic marks of a

⁵ Хотя Ролз пишет в статье 1958 года, что «...in contrast to the various conceptions of the social contract, the several parties do not establish any particular society or practice; they do not covenant to obey a particular sovereign body or to accept a given constitution» [Rawls, 1958: p. 176], в своих более поздних работах он будет подчеркивать, что принятие данных принципов относится к «basic structure of society» [Rawls, 1971: p. 146]. Более того, можно предположить, что именно данные принципы создают базисную структуру всех «хорошо организованных обществ» (well-ordered society), пусть даже иерархических, что позволяет на их основе выстраивать «право народов» для регулирования отношения между ними [Rawls, 1999]. Принципы справедливости понимаются Ролзом как своего рода «принципиальный каркас» для международного права.

⁶ «Nor is the account in any way fictitious. In any society where people reflect on their institutions they will have an idea of what principles of justice would be acknowledged under the conditions described, and there will be an occasions when questions of justice are actually discussed in this way» [Rawls, 1958: p. 177].

⁷ «...the original position is a purely hypothetical situation. Nothing resembling it need ever take place...» [Rawls, 1971: p. 120].

natural right theory. Not only does it ground fundamental rights on natural attributes and distinguish their bases from social norm, but it assigns rights to persons by principles of equal justice, these principles having a special force against which other values cannot normally prevail» [Rawls, 1971: p. 506]⁸. Поскольку естественные права (natural rights) укоренены в природе (nature) человека, «на естественных атрибутах (natural attributes)», то равенство/неравенство прав будет обусловлено равенством/неравенством этих атрибутов. Но поскольку равенство индивидов задается с самого начала как условие, а возможное неравенство атрибутов скрыто за «завесой неведения», то равенство прав возникает неизбежно. Этот момент стоит отметить.

Но естественные права (rights) – это еще не право (law). В полном смысле право как система законов и норм создается и контролируется специальными институтами, о чем Ролз в «Теории справедливости» пишет достаточно расплывчато⁹. «A legal system is a coercive order of public rules addressed to rational persons for the purpose of regulating their conduct and providing a framework for social cooperation» [Rawls, 1971: p, 235]¹⁰. Но безусловно в основе правовой системы (хорошо организованных обществ) лежит принятие принципов справедливости, совершенное разумными равными индивидами (институтами) в исходном положении. Напомним, что речь идет не об историческом плане, а о логическом (теоретическом). Поэтому основой уже самого исходного положения выступает дискретная совокупность свободных равных и разумных индивидов.

К этому индивиду следует присмотреться повнимательнее. Характерна уже терминология Ролза: для обособленного индивида и внешних проявлений внутреннего мира он предпочитает термин «person» или «individual» («I have assumed throughout that the persons in the original position are rational» [Rawls, 1971: p. 142]¹¹). Говоря о личности он предпочитает термин «Self» в различных аспектах (Self, Self-respect, Self-government, Self-command, Unity of Self). Одни и те же действия или объекты, взятые под разными углами зрения, могут (и, вероятно, должны) обозначаться по-разному. Та модификация теории, о которой я упоминал выше, в полной мере сохраняется и в применении к человеку. В «Политическом либерализме» Ролз выражает это прямо: «In the transformation from the comprehensive doctrine of justice as

⁸ «...Справедливость как честность имеет характерные черты теории естественных прав. Она не только основывает фундаментальные права на естественных атрибутах и отличает их основы от социальных норм, но приписывает права лицам по принципам равной справедливости, причем у этих принципов есть особая сила, над которой другие ценности обычно не могут взять верх».

⁹ У Ролза и в последующих работах нет теории права как таковой. Даже когда он будет писать о международном праве (law of people), он ограничится рассмотрением его принципиальных оснований, в некотором смысле – логической моделью его морали. [Rawls, 1999].

¹⁰ «Правовая система является принудительным порядком общественных правил, адресованных рациональным индивидам с целью регулирования их поведения и обеспечения рамок для социальной кооперации».

¹¹ «Я предполагаю везде, что люди в исходном положении рациональны». [Ролз, 1995: с. 131].

fairness to the political conception of justice as fairness, the idea of the person as having moral personality with the full capacity of moral agency is transformed into that of the citizen» [Rawls, 1999: p. xviii]¹².

Ролз то и дело напоминает о том, что его гипотетические персонажи являются свободными (free), равными (equal), разумными (reasonable), рациональными (rational). Только наличие этих качеств позволяет им устанавливать для себя моральные нормы, которые далее трансформируются в правовые. В отношении морали Ролз почти прямо следует Канту, поэтому для него важна «разумность», и вообще его «idea of person» очень близка Кантовской¹³, но его теория призвана преодолеть то принципиальное различие, которое существовало между моралью и правом у немецкого философа. Уже приведенная выше цитата из «Политического либерализма» может выступить свидетельством того, как Ролз добивается решения этой задачи. Ролз, чтобы получить требуемого ему субъекта, парализует у индивида в естественном состоянии некоторые сферы при помощи «завесы неведения», а также устраняет чувство зависти. В итоге субъект в момент установления принципов в исходном положении действует исключительно согласно разуму и рационально (оптимально), а так как Ролз принимает разум как универсальное начало, то приходит к выводу, что во всех возможных ситуациях индивиды будут принимать одни и те же принципы¹⁴. Право и мораль у Ролза оказываются взаимопереводимы в силу того, что он устраняет из исходного положения всякое влияние культуры и психики¹⁵. Именно концепция отдельно взятого индивида (свободного и разумного) оказывается фундаментальной для всего учения Ролза – как этического, так и политического.

Роберт Нозик, коллега Джона Ролза по Гарвардскому университету, в 1974 издал книгу «Анархия, государство и утопия», в которой изложил свой взгляд на государство и право¹⁶. Хотя Ролз и Нозик являются во многом единомышленниками (оба – признанные идеологи либерализма¹⁷), теория справедливости Ролза стала предметом жесткой критики

¹² «При трансформации всеобъемлющего учения справедливости как честности в политическую концепцию справедливости как честности идея человека, как обладающего моральной личностью, всецело способной к моральной деятельности, трансформируется в идею гражданина». В «A Theory of Justice» Ролз использует термин «personality» почти исключительно в сочетании «moral personality». В русском языке трудно воспроизвести нюансы Ролзовской терминологии относительно индивида/человека/лица/личности.

¹³ Отличия все же есть, и они по-своему значимы, но здесь нет возможности раскрыть их. См. по этому вопросу: [Flickshuh, 2000: p. 12–49].

¹⁴ Обоснованию разумности и рациональности именно этих двух принципов Ролз посвящает пять параграфов (§§25–29).

¹⁵ Это вовсе не означает, что Ролз не рассматривает их в своей теории, он убирает их только на момент принятия принципов, ключевой момент его теории.

¹⁶ См. рецензию на русское издание: [Сахарова].

¹⁷ Эта книга Роберта Нозика способствовала выделению в либеральном лагере новой позиции – либертарианства. См. об этом: [Одар, Рено, 2009: с. 316].

Нозика (при признании ее фундаментальной ценности для политической философии)¹⁸.

Если Ролз рассматривал свою теорию как интерпретацию кантовского учения, то Нозику ближе позиция Локка. Он открыто признается, что будет указывать только те отличия от теории английского философа, которые окажутся важны для политической философии, остальными «здесь можно пренебречь» [Nozick, 1974: p. 9]. Как ни странно, но этого вполне могло бы быть достаточно, чтобы закончить на этом рассмотрение работы Нозика. В интересующем нас аспекте он мало в чем отходит от учения Локка. Но все же ряд моментов этой теории, а также ее популярность стоят того, чтобы уделить им внимание, а это требует изложения общей концептуальной схемы.

Книга «Анархия, государство и утопия» посвящена проблеме свободы отдельного человека (каждого из нас). Ее название можно истолковать так: человек находится в состоянии между свободой (анархией) и несвободой (подчинением государству). Является ли стремление достичь минимального ограничения моей свободы со стороны государства утопией? Основная система аргументации – логическое моделирование: Нозик то и дело обращается к мысленным экспериментам («Представим себе, что...»). Сам автор отстаивает именно такую модель «минимального государства» классической либеральной теории: «The night-watchman state is of classical liberal theory, limited to the functions of protecting all its citizens against violence, theft, and fraud, and to the enforcement of contracts, and so on... » [Nozick, 1974: p. 26]¹⁹. По мнению Нозика, только подобное государство может быть морально оправдано.

Именно здесь таится причина его упреков в отношении теории Ролза: государство теории справедливости – государство перераспределительное. А любое перераспределение, как и любое другое вмешательство в жизнь отдельного человека означает ограничение его свободы, ущемление (или полную отмену) его прав личности.

Естественное состояние – начальная точка «Анархии, государства и утопии». Его описанию Нозик предпосылает главу методологическую: «Зачем нужна теория естественного состояния?» В этой первой главе он признает методологический, объяснительный характер данной теории²⁰. Само же описание теории сложено, подобно мозаике, из фрагментов «Второго трактата о правлении» Джона Локка. Зарождение государства и ряд этапов в его развитии Нозик, в отличие от Локка, приписывает не Общественному договору, а

¹⁸ Меня здесь интересует связь между теорией естественного состояния и учением о праве, в силу чего критический разбор книги Р. Нозика остается за пределами моего рассмотрения. Оценка теории Роберта Нозика, как и теории Джона Ролза, и иных рассматриваемых авторов, не входит в задачу данной статьи.

¹⁹ «Государство – ночной сторож, функции которого ограничены защитой всех граждан от насилия, воровства и мошенничества, а также обеспечением исполнения договоров и т.п.» [Nozick, 2008: с. 49].

²⁰ «...State of nature will serve of our explanatory purposes, even if no actual state ever arose that way». [Nozick, 1974: p. 7].

аргументу «невидимой руки»²¹, то есть заменяет осознанный выбор неосознанным, но закономерным процессом.

Государство, согласно Роберту Нозик, представляет собой не что иное, как совокупность организованных индивидов. Ни один индивид не является более ценным по отношению к другому. «...There is no social entity... There are only individual people, different individual people, with their own individual lives. Using one of these people for the benefit of others, uses him and benefits the others. Nothing more. (...) Talk of an overall social good covers yhis up. (...) To use a person in this way does not sufficiently respect and take account of the fact that he is a separate person, that his is the only life he has» [Nozick, 1974: p. 32–33]²². «There is no moral outweighing of one of our lives by others so as to lead to a greater overall social good. There is no justified sacrifice of some of as for others» [Nozick, 1974: p. 33]²³. Нозик то и дело возвращается к отдельному индивиду, настаивая на том, что каждый должен нести сам ответственность за свои действия, он отвергает позицию морального элитаризма (*morally elitist*), согласно которой некоторые солдаты неспособны думать самостоятельно [Nozick, 1974: p. 100].

Нозик много пишет о праве, в определенном смысле – право находится в центре его позиции. При этом уже в первой главе он открыто признает, что нерешенность задачи формулировки теории морали представляет собой настолько зияющий провал, «that is only a minor comfort to note that we here are following the respectable tradition of Locke, who does not provide anything remotely resembling a satisfactory explanation of the status and basis of the law of nature in his Second Treatise» [Nozick, 1974: p. 9]²⁴. Нозик при этом выдвигает ряд серьезных аргументов против концепции естественных прав Гереберта Харта и следующего ему Джона Ролза [Nozick, 1974: p. 90–96].

²¹ «Невидимая рука (*invisible hand*)» – термин Адама Смита (в знак признательности к которому Нозик сохраняет термин, хотя и модифицирует его) для описания рыночной экономики. «Каждый человек преследует лишь свою собственную выгоду, причем в этом случае, как и во многих других, он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения». [Смит, 2008: с. 443]. Цель эта – общее благосостояние.

²² «...Нет никакого *общественного субъекта*... Есть только отдельные люди, разные люди, у каждого из которых собственная жизнь. Когда индивида используют к выгоде других, это значит, что его используют, а выгоду получают другие. И ничего больше. (...) Разговоры о благе всего общества скрывают этот факт. (...) Использовать человека таким образом – значит не уважать его и не учитывать того, что он отдельная личность и его жизнь – его собственная, единственная и неповторимая» [Нозик, 2008: с. 56–57].

²³ «В моральном плане ни одна жизнь не перевешивает другие так, чтобы можно было достичь увеличения суммы *общественного* блага. Нет оправданий, позволяющих пожертвовать одним человеком ради других» [Нозик, 2008: с. 57].

²⁴ «...Что понимание того, что здесь мы следуем почтенной традиции Локка, который во второй книге «Двух трактатов о правлении» не предлагает ничего даже близко похожего на удовлетворительное объяснение статуса и основы естественного права, служит очень слабым утешением» [Нозик, 2008: с. 27]. Не очень ясно, в связи с этим, почему некоторые критики предъявляют автору «Анархии, государства и утопии» претензии в связи с тем, что у него нет теории прав. См., напр.: [Rothbard, 1977: p. 56].

Почти все, что говорит автор «Анархии, государства и утопии» о правах, сводится к некому логически строгому преобразованию учения Локка о праве на собственность. Локк писал, что право на собственность приобретается трудом и может быть передано по наследству. Нозик сводит это к трем принципам и называет их теорией справедливости, основанной на титулах собственности (entitlement theory): (1) принцип справедливости присвоения: лицо имеет право завладеть собственностью, которая никому не принадлежит; (2) принцип справедливости передачи: лицо имеет право передавать свою собственность другим; (3) принцип ректификации: лицо не может владеть собственностью иначе как в результате принципов (1) и (2), несправедливость должна быть устранена [Nozick, 1974: p. 151]. Но, признает Нозик, «мне неизвестны тщательные или теоретически разработанные исследования» относительно широты применения третьего принципа [Nozick, 1974: p. 152]. Следует отметить, что Нозик не говорит о «владении собственностью», он говорит о праве титула на собственность. Это связано с тем, что он стремится отделить собственность на имущество (entitlement) от иной собственности, которой может быть, например, для человека его личность. Здесь – область естественного права, и в этом он тоже следует Локку.

«Анархия, государство и утопия» была издана в 1974 году, а в следующем, 1975 году появилась другая книга, переключившаяся с работой Р. Нозика и по названию, и по поставленной проблеме, и по ориентации на «Теорию справедливости» Д. Ролза. Она называлась «Границы свободы: между анархией и Левиафаном», ее автором был экономист Джеймс Макгилл Бьюкенен. Он был известен как один из основателей теории общественного выбора, принципы которой изложил совместно с Гордоном Таллоком в работе «Расчет согласия» (1962) и за которую позже, в 1986 году, получил Нобелевскую премию по экономике. «Границы свободы» во многом противостояли «Расчету согласия», но методологические принципы и философские основания остались теми же.

По оценке самого Бьюкенена, «Расчет согласия», был «was devoted largely to an analysis of the constitutional choice among rules for making collective decisions. In that analysis, Tullock and I assumed implicitly that individual participants in constitutional deliberations over alternative rulers faced uncertainty concerning their own interests in future collective decisions» [Buchanan, 1975: p. 70]²⁵. Уже в этой книге Бьюкенен опирался на ряд методологических принципов (предпосылок), которым не изменял и в дальнейших работах. Он перечисляет их сам: 1) методологический индивидуализм, 2) концепция «экономического человека» и 3) анализ политики как

²⁵ «...Преимущественно посвящен анализу конституционного выбора между различными правилами принятия коллективных решений. В этой книге Таллок и я неявно предположили, что индивидуальные участники конституционных переговоров об альтернативных правилах находятся в условиях неопределенности относительно их собственных интересов в будущих коллективных решениях» [Бьюкенен, ЭР, 4].

процесса обмена. Иначе говоря, (1) исходной единицей рассмотрения является обособленный индивид²⁶, (2) этот индивид понимается как осознанно преследующий свои интересы или выгоды²⁷, наконец, (3) объединение индивидов, образование общества и государства трактуется как своего рода взаимовыгодный обмен благами или услугами. Этот последний принцип трактовки государства как некоей аналогии рынка Бьюкенен заимствует у шведского экономиста Кнута Викселля, чье влияние на свои работы Бьюкенен подчеркивал и много лет спустя.

Уже из такого изложения видно, что методологические основания теории Бьюкенена близки Ролзу²⁸. В основе – рациональный индивид, чье знание определено, хотя и ограничено (он имеет представление о том, к какому благу он стремится, но не знает, является/явится ли оно действительно для него благом), так как индивид рационален, его действия логически последовательны и соотнесены с заданной целью²⁹, способ достижения целей – установление конституции посредством переговоров или соглашения. «Конституция» – одно из ключевых понятий Бьюкенена, под ней стоит понимать правила взаимодействия индивидов между собой или индивидов и государства. Таким образом, «Расчет согласия» – логическая модель общественного договора, взятого в экономической проекции. Но основное внимание авторы уделяют механизмам согласования различных интересов (интересов различных индивидов) и выработке правил сотрудничества, поэтому общий принцип Викселля Бьюкенен и Таллок существенно обогащают математической теорией игр (сотрудничество рассматривается как игра с положительной суммой). В силу тех же причин они меньше уделяют внимания начальной фазе (естественному состоянию, исходному положению или анархии), и практически вообще не затрагивают проблемы государства и права.

Но акценты полностью меняются в «Границах свободы». Здесь предложена логико-экономическая модель общественного договора с целью преодолеть ряд проблем современного общества, главной из которых Бьюкенен считает возрастание силы государства и притеснение им отдельных граждан. В основе такой модели – опять-таки образ мыслей и поведение отдельного

²⁶ «We start from the presumption that only the individual chooses, and that rational behavior, if introduced at all, can only be discussed meaningfully in terms of individual action. This, in itself, does not get us very far, and it will be necessary to define carefully what we shall mean by rational individual behavior» [Buchanan, *Tullock*, 4, 1].

²⁷ «Political theorists seem rarely to have used this essentially economic approach to collective activity. Their analyses of collective-choice processes have more often been grounded on the implicit assumption that the representative individual seeks not to maximize his own utility, but to find the «public interest» or «common good»» [Buchanan, *Tullock*, ЭР 2].

²⁸ Эту близость Бьюкенен отмечал и сам [Buchanan, 1975: p. 188], но Ролз занимался этикой, а Бьюкенен – экономикой. В итоге оба они пришли, каждый через свою область, к проблемам государства и права.

²⁹ Но есть и отличия: у Ролза индивиды находятся в равном положении, Бьюкенен же стремится доказать, что они будут искать согласия даже в ситуации изначального неравенства [Buchanan, 1975: p. 54].

индивида³⁰. В данном случае я ограничусь в этой теории только тем, что имеет отношение к праву.

Все права, которыми обладает государство (здесь он противопоставит Гоббсу, о чем сам заявляет [Buchanan, 1975: p. 51]³¹), оно получает от своих граждан. Они отдают их (делегируют) в расчете на приобретение определенных благ. Их же собственные права можно разделить на два класса: базовые права (право на жизнь, право на свободу) и начальное право собственности, с одной стороны, с другой стороны – те же права, но обеспеченные общественной системой, иначе говоря, признаваемые другой стороной. Происхождение базовых прав для Бьюкенена остается загадкой, что он честно признает [Buchanan, 1975: p. 23], и это неудивительно (и загадочность, и признание), так как они не могут быть выведены из логической модели «экономического человека» в том смысле, что такая модель уже предполагает их наличие у индивида. Другими словами, анализ Бьюкенена сосредоточен не на происхождении прав и их природе, а на их распределении. Больше внимание он уделяет правам собственности. Здесь автор опирается на обзор исследований в этой области, предложенный Фуруботном и Пейовичем [Furubotn, Pejovich, 1972], но указывает на то, что основной акцент данные исследования делают не на происхождении прав собственности, а на влиянии их различных структур на индивидуальное и групповое поведение. Не принимает он также теорию эндогенного происхождения прав собственности, предложенную Светозаром Пейовичем [Pejovich, 1972], так как «...the endogeneity does not refer to the exchange process. Instead, individuals are motivated by private utility-maximized norms to invest resources in defense and predation of resource stocks, behavior which is, of course, descriptive of Hobbesian anarchy» [Buchanan, 1975: p. 183]³². Скорее, по мнению Бьюкенена, «property rights may emerge from an economic calculus that prompts the negotiation of a «constitutional contract»» [Buchanan, 1975: p. 183]³³. «Law is simply a reciprocal relationships among parties, an embodiment of contract» [Buchanan, 1975: p. 107]³⁴. Конституционный договор оказывается возможен только в условиях, когда обе стороны согласны идти на определенные уступки, на оплату ряда «издержек» и

³⁰ «The origins of the state can be derived from an individualistic calculus in this way, at least conceptually, as we know from the writings of Thomas Hobbes as well as from earlier and later contractarians» [Buchanan, 1975: p. 6].

³¹ Еще более жестко он характеризует позицию Гоббса позже: «...this amounts to saying that only the government or the state has rights, and that individuals are essentially parties to a continuing slave contract...» [Buchanan, 1975: p. 83].

³² «...Эндогенность не относится к процессу обмена. Наоборот, личные нормы максимизации полезности побуждают индивидов затрачивать ресурсы на защиту и захват других запасов – поведение, характерное для Гоббсовской анархии» [Бьюкенен, ГС, 2, 2].

³³ «...Права собственности могут возникнуть из экономического расчета, который подталкивает индивидов к переговорам о «конституционном договоре»» [Бьюкенен, ЭР 4, 2].

³⁴ «Закон – это просто взаимоотношение сторон, воплощение договора» [Бьюкенен, ЭР 4, 7].

компенсаций³⁵, что в конечном итоге приносит (должно принести) им большую выгоду³⁶. Первое побуждение к заключению конституционного договора связано со стремлением к сокращению расходов на обеспечение безопасности себя и своей территории [Buchanan, 1975: p. 58–59]. То есть уже на первом этапе если не право собственности, то сама собственность имеется в наличии. Это принципиальная установка Бьюкенена³⁷. Более того, он прямо говорит, что «The delineation of property rights is, in effect, the instrument or means through which a «person» is initially defined» [Buchanan, 1975: p. 10]³⁸.

В итоге получается следующая картина: общественный (конституционный) договор возможен только между рациональными личностями, осознающими свои интересы и готовыми пойти на определенные издержки ради приобретения дальнейших выгод, причем эта связь (оплата издержек – приобретение выгод) должна четко осознаваться всеми участниками. Одной из приобретаемых выгод является силовое обеспечение прав участников договора [Buchanan, 1975: p. 64–68]. Так возникает «государство защищающее (protective state)» [Buchanan, 1975: p. 163]³⁹, главной функцией которого является обеспечение индивидуальных прав [Buchanan, 1975: p. 163]. Именно этот механизм позволяет рассматривать политику как систему обмена (подобную рынку). Такой договор предполагает, что его участниками могут быть только «личности», обладающими правами, в том числе и правами собственности. Экономический анализ ограничен сферой обмена, поэтому приобретение начальных прав как базовых, так и прав собственности, лежит за его пределами⁴⁰. Логическая структура социального взаимодействия выводится из эгоистического поведения индивидов [Buchanan, 1975: p. 80]. Бьюкенен не просто, как и его предшественники по теории общественного договора, делает исходным пунктом своей концепции обособленного человека, он считает это отличительной чертой всей западной философской традиции [Buchanan, Tullock, ЭР 2].

Стоит отметить интересную деталь: в своей работе 1975 года Бьюкенен пишет о том, что угроза Левиафана (постепенное подавление индивидуальных прав граждан государственной бюрократией) воплотилась в реальность

³⁵ «...The mere adoption of a law or rule carries with it a specific cost-sharing scheme; the law or rule must be applied to all citizen. Each person is subjected to a «liberty tax»» [Buchanan, 1975: p. 112].

³⁶ При этом и само принятие закона рассматривается как капитальное благо [Buchanan, 1975: Ch. 7], так как сформулированные им нормы обеспечивают безопасность и взаимовыгоду дальнейшей деятельности индивидов.

³⁷ «Anarchy necessarily fails there exist no «natural» or mutually acceptable dividing lines among spheres of personal individual interests» [Buchanan, 1975: p. 8].

³⁸ «...Разграничение прав собственности в сущности и является инструментом, или средством, которое изначально очерчивает понятие «личность»» [Бьюкенен, ЭР 4].

³⁹ Другая функция государства – «государство производящее, productive state». Эти функции чрезвычайно важно разделять [Buchanan, 1975: p. 162].

⁴⁰ «With regards to the emergence of initial rights, we must acknowledge that any attempt economic explanation will be insufficient» [Buchanan, 1975: p. 23].

до такой степени, что «the existing legal order may have lost its claim to efficiency, or, in a somewhat different sense, to legitimacy» и необходима коренная конституционная реформа, даже революция [Buchanan, 1975: p. 169]⁴¹. Это он называет основной гипотезой своей работы.

Тот факт, что традиция общественного договора исходит из представления об обществе как соединении обособленных рационально действующих индивидов, ни в коей мере не может претендовать на новизну. Но, может быть, прав Бьюкенен, и эта черта присуща не только сторонникам договорной теории, но и всей западной мысли?

Мы убедились, что в основе учений всех рассмотренных выше авторов находится обособленный рационально действующий индивид. Исходным предположением данной статьи является наличие связи между учением о праве и представлением об индивиде. Если это предположение верно, то изменение концепции индивида должно повлечь за собой перемены в учении о праве. Мы видели, что общность основания ничуть не препятствовала созданию совершенно разных учений (пусть даже в рамках договорной теории), поэтому изменения должны были бы носить некий радикальный характер. Для доказательства подобной связи между основанием и воздвигнутым на нем учением, следовало бы показать необходимость связи между ними, а точнее – изоморфность основания и конститутивных элементов опирающейся на него теории. На данном этапе мы только продемонстрировали наличие этой связи, так и не подступившись к ее механизму.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Одар К., Рено Ф.* Libertarianism // Европейський словник філософій. – К.: Дух і літера, 2009. – С. 316.
- Ролз Д.* Право народов // Вопросы философии. – 2006. – № 9. – С. 35–60.
- Сахарова М.* Добровольное рабство? Милости просим! // Электронный ресурс (1). Режим доступа: http://scepsis.ru/library/id_2320.html
- Смит А.* Исследования о природе и причинах богатства народов. – М.: ЭКСМО, 2007. – 960 с.
- Buchanan J.M., Tullock G.* The Calculus of Consent: Logical Foundations of Constitutional Democracy // Электронный ресурс (2). Режим доступа: http://oll.libertyfund.org/index.php?option=com_staticxt&staticfile=show.php%3Ftitle=1063&Itemid=27 (русский перевод: *Бьюкенен Д., Таллок Г.* Расчет согласия // Электронный ресурс (3). Режим доступа: http://gallery.economicus.ru/cgi-bin/frame_rightn_newlife.pl?type=school&links=:/in/buchanan/works/buchanan_w2_0&img=works.jpg&name=pubchoice)
- Buchanan J.* The Limits of Liberty. Between Anarchy and Leviathan. – Chicago, London: The University of Chicago Press, 1975. – 210 p. (русский перевод: *Бьюкенен Д.* Границы свободы. Между анархией и Левиафаном // Электронный ресурс (4). Режим доступа: http://gallery.economicus.ru/cgi-bin/frame_rightn_newlife.pl?type=school&links=:/in/buchanan/works/buchanan_w3_0.txt&img=works.jpg&name=pubchoice)

⁴¹ «Существующая правовая система, возможно, утратила право считаться эффективной, или, в несколько ином смысле, легитимной» [Бьюкенен, ЭР, 4].

- Flickshuh K.* Kant and Modern Moral Philosophy. – Cambridge: Cambridge UP, 2000. – 216 p.
- Furubotn E., Pejovich S.* Property Rights and Economic Theory: A Survey of Recent Literature // *Journal of Economic Literature*. – 1972. – № 10. – P. 1137–1162.
- Nagel T.* Rawls and Liberalism / *The Cambridge Companion to Rawls*. – Cambridge: Cambridge UP, 2003. – P. 62–85.
- Nozick R.* Anarchy, State and Utopia. – New York: Basic Books, 1974. – 367 p. (Русский перевод: *Нозик Р.* Анархия, государство и утопия. – М.: ИРИСЭН, 2008. – 424 с.)
- Parijs P. van.* Difference Principles // *The Cambridge Companion to Rawls*. – Cambridge: Cambridge UP, 2003. – P. 200–240.
- Pejovich S.* Towards an Economic Theory of the Creation and Specification of Property Rights // *Review of Social Economy*. – Vol. 30 – September 1972. – P. 309–325.
- Rawls J.* Justice as Fairness // *The Philosophical Review*. – Vol. 67. – No. 2. – Apr., 1958. – P. 164–194. (Русский перевод: *Полз Д.* Справедливость как честность // *Логос*. – 2006. – № 1. – С. 35–60.)
- Rawls J.* A Theory of Justice. – Cambridge, Massachusetts, London: The Belknap Press of Harvard UP, 1971. – 607 p. (Русский перевод: *Полз Д.* Теория справедливости. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. – 536 с.)
- Rawls J.* Political Liberalism. – New York: Columbia UP, 2005. – 576 p.
- Rawls J.* The Law of Peoples. – Cambridge, Mass.: Harvard UP, 1999. – VIII, 199 p.
- Rothbard M. N.* Robert Nozick and Immaculate Conception of the State. – *Journal of Libertarian Studies*. – 1977. – Vol. 1. – № 1. – P. 45–57.

Стаття одержана редакцією 14.01.2012

Sergiy Shevtsov (Odessa)

The theory of a natural state: Rawls, Nozick, Buchanan

The author suggests an analysis of three modern authors' state of nature models (J. Rawls, R. Nozick, J. Buchanan) and tries to define the role of the models in their respective law concepts. The analysis demonstrates that all three approaches share same basic idea, which is the concept of an independent reasonable individual; this very idea is what these different models are based upon. The concept of an individual itself does not have a substantiation.

Sergiy Shevtsov, PhD in philosophy, Associate professor at the Department of Philosophy for Natural Sciences Faculties of I. Mechnikov Odessa National University.

Сергій Шевцов, кандидат філософських наук, доцент кафедри філософії природничих факультетів філософського факультету Одеського національного університету ім. І. І. Мечникова.

Сергей Шевцов, кандидат философских наук, доцент кафедры философии естественных факультетов философского факультета Одесского национального университета им. И. И. Мечникова.
